В шерстяных носках на колготки, в свитере с длинной шеей, Витя сидел на старом ковре и смотрел телевизор. В сенях хлопнули двери, и через секунду, впустив внутрь волну уличной прохлады, в дом вошла бабушка.

– Витя! Витя! – крикнула она с порога.

Витя, который уткнулся в телевизор, разве что

не доставал его носом, встрепенулся, бросил на бабушку разбойничий взгляд и, предугадав дальнейшее, стал поспешно отползать от тумбы.

– Не смотри так близко, – громко сказала бабушка, – зрение испортишь! И не сиди на полу, там дует!

– Мне не дует, – тихо ответил Витя, однако послушно забрался на диван, устроился на самом краю и снова жадно впился в телевизор.

– В школу вот-вот, а все мультики на уме… – пробурчала бабушка.

В доме на самом деле было ничуть не холодно, даже жарко. От теплой одежды, от растопленного котла в дальнем углу и от разыгравшегося весеннего солнца, заглядывающего через окна. Попадёшь в ярко-желтые языки и сразу чувствуешь, как припекает.

Краем глаза Витя видел: бабушка скинула валенки, а дальше, не раздеваясь, быстрым шагом пересекла комнату. Постояла у котла: усердное «ф-ф-ф» сменилось отчаянным «ш-ш-ш». Подошла к плите, сняла бурлящее ведро, с верхом наполненное мелкими клубнями, и потащила к дверям. Несла тяжело, склонившись набок, чуть расплескивая по дороге… У дедушки выходило иначе. Он стремительно, на лету будто, подхватывал ведро с картошкой и, совершенно не ощущая ноши, в три шага оказывался за порогом.

Витя покосился в сторону двери. На стене не висит привычная стеганая фуфайка, вместо меховой шапки посверкивает голый крючок. Но и во дворе не слышится трель циркулярной пилы, постукивание молотка или удары колуна, звонко разбивающего тюльку…

Бабушка остановилась. Не отпуская ведра, попала ногами в валенки, толкнула дверь, сказала:

– На улицу бы сходил, воздухом подышал.

Вышла.

Витя завороженно глядел в телевизор, то посмеивался, то становился настороженным и серьезным. Был так увлечен, будто это он сам находится по ту сторону экрана: вот играет в мяч, вот вступается за обиженного мальчугана, вот находит потерянную игрушку, а вот погоня

и он, мчась за злодеем, не раздумывая сигает в воду. Так продолжалось, пока откуда-то из глубины не выплыли одна за другой белые буйки-буквы: к о н е ц.

Эх… Витя посмотрел по сторонам и прислушался. Бабушки не было. Он поднялся с дивана и подошел к окну: на улице солнечно, тонкий снег во дворе почти просвечивает, с крыш капает вода. На заборе сидели две синицы, одна чистила перья клювом, вторая юрко вертела головой. Грэг – крупный пес, беспородный, но больше, конечно, овчарка – ходил вокруг будки и беззлобно лаял в пустоту. С его боков свисали выцветшие клочья шерсти.

Заметив Витю, он остановился, забарабанил по будке хвостом и нетерпеливо заскулил. Витя бы и рад отпустить Грэга – пусть бегает, пусть играет, – но разве бабушка позволит? Он отвел глаза. Вдруг заметил: в углу подоконника закопошилось маленькое черное пятнышко. Витя пригляделся – муха! Похоже, только что вылезла из какой-то щели в оконной раме, из своей зимней берлоги. Первая весенняя муха! Ее движения были медленными и склеенными, еще совсем сонная, она неловко дергала лапками, пытаясь расшевелиться, стряхнуть сон. Не было в ней и намека на обычную летнюю расторопность.

Витей овладело любопытство. Он медленно поднес палец. Муха не улетала. Она замерла. Бережно, боясь повредить тонкие, как корочка льда, крылья, Витя взял насекомое и положил на ладонь. Большие сетчатые глаза растерянно глядели во все стороны сразу. Скрученный хоботок казался мягким и безобидным, неспособным вонзиться в кожу, тянуть кровь. Витя осторожно выдохнул теплом. Еще. Муха дрыгнула лапкой, осмелела, забегала по ладони. Попробовала крылья: ж-ж-ж, ж-ж-ж. Добежала на край: ж-ж-ж, ж-ж-ж…

Ж-ж-ж, ж-ж-ж, пф-пф. Темно. Утро. Витя с бабушкой стоят на улице. Дед пытается завести машину. Ж-ж, пф-пф.

Только что она тарахтела, теперь молчит. Середина зимы, настоящая стужа. Усы деда покрылись инеем. Иней, кажется, и в носу Вити, пробирается все глубже при каждом вдохе. Витя и дедушка в городском. Дедушка в меховой шапке и дубленке. Широкой, тяжелой, он в ней еще больше, еще… сильнее. Понедельник. Вите нужно в садик.

Под капотом слышится металлическое дребезжание, оно стихает, потом снова слышится.

– Ничего не понимаю, – говорит дед, выходя из машины, – неужели аккумулятор? Свечи?

От суеты шапка съехала набок, и видно, как по черным вискам вверх ползут первые седые нити. Или… тоже иней? Дед открывает капот, скидывает рукавицы. Он погружает голые руки в холодное нутро автомобиля.

– Потопай ножками, – говорит бабушка, – потопай, – и легонько толкает Витю в спину. – Может, мы пока в дом?

– Сейчас, – бормочет дед, – сейчас. Подождите.

Они ждут. Дед снова садится за руль, пробует завести. Неуверенное цоканье сменяется глухими хлопками. Они переходят в сытое, довольное урчание. Хвостом треплется густой белый дым.

– Ну всё! – говорит дед торжественно, подходит к капоту, натягивает рукавицы. – По коням!

Бабушка открывает заднюю дверь. Витя садится. Спиной, сквозь пуховик, чувствует холод сиденья.

– Вот так, Витька, – устроившись за рулем, весело произносит дед, – терпение и труд все перетрут!

Он оборачивается. Улыбается Вите ласково и длинно.

Витька молчит. Он шмыгает носом и шевелит коченеющими пальцами в ботинках. Труд ему понятен. А терпение? Зачем нужно терпеть – браться голыми руками за лед металла? Этот ребус ему не дается. Он смотрит на окно, стаскивает варежку и прикладывает ладонь к заиндевелому стеклу…

От тепла крылья оттаяли. Муха сделала еще несколько шажков и взлетела. Медленно, тяжело, шумно. Витя долго следил за ней, за маленьким черным вертолетиком, пока тот, набрав высоту, забравшись под самый потолок, вдруг не исчез. Витя прошелся, задрав голову, – пусто. Будто испарилась. Ну вот... Оттаивал тебя, а ты…

Он сел на стул, надел болоньевые штаны, шарф, шапку, куртку. Снял с батареи валенки, сам натянул на них калоши и вышел во двор. Увидев Витю, Грэг отчаянно зашелся лаем, рванул вперед, вскочив на задние лапы, цепь поднялась, зазвенела, и ошейник утонул в шерсти. Синички, принявшиеся хозяйничать в миске пса, переполошились, вспорхнули и с писком вылетели за ворота.

Витя крикнул:

– Фу! Фу!

И Грэг нехотя замолк. Опустился на снег, грустно положил голову на передние лапы и опять заскулил, продолжая возбужденно мотать хвостом, высунув язык, алый-алый.

Снега во дворе было мало, и сырой, почти вода, но слепить снежки можно: нужно сгрести кашицу со дна телеги, со скамьи, есть чем разжиться у сложенных длинных досок, у сваленных близ амбара железных листов. Но Витя еще осенью продрал там куртку, и бабушка строго-настрого запретила играть рядом. Пять небольших комков – все, что удалось заготовить – Витя выстроил аккуратным рядком на очищенной от снега скамье. Наметил цель – на белой стене дома угол окаймленного красным окна, откуда, ломая кирпич, бежит еле заметная трещинка. Первый снежок угодил сильно влево, наполовину рассыпался, а уцелевшей частью прилип к кирпичу, и вокруг него образовалось темное пятно воды. Второй выстрел удался бы лучше, но в последний момент рука подвела, и комок завалился. Третий ком, наконец, перекрыл два цвета.

– Да! – вырвалось у Вити.

Но четвертый выстрел едва не угодил в стекло, и Витя понял: нужна другая мишень, попадет в окно – крику будет!

Крику стало и без этого.

– Витя! – бабушка возникла за спиной неожиданно и громко. – Ты чего делаешь? Намокнешь весь! Посмотри – варежки уже сырые!

Витя повернул варежки ладонями к себе. Они и вправду были темными, сырыми. Спешно завел руки за спину.

– Быстро в дом! Варежки меняй, пойдем до магазина, к чаю чего-нибудь купим.

– Хорошо! – обрадовался Витя.

Асфальтовая дорога дугой огибала деревню. Небольшой магазинчик стоял минутах в двадцати ходьбы по направлению в город, почти на перекрестке с шоссе. Поставили, наверное, с расчетом на то, что у оживленной трассы торговля пойдет бойчее. Туда Витя всегда шел с подъемом – озорно и радостно. Но на обратном пути задор угасал, и к концу Витя уставал по-честному, плелся понурый, думая: скорее бы дом.

Они шли по узкому асфальту. Витя звучно шлепал калошами в слякоть. Брызги воды подлетали вверх и повисали на валенках россыпью мутных капель. Снег вдоль дороги осел и стал серым. Деревья тоже почернели, они вобрали в себя влаги и выглядели потяжелевшими. В щербинах асфальта попадались небольшие лужицы. Вите очень хотелось шлепнуть и по ним, но бабушка, как будто зная наперед его мысли, крепко сжимала Витину руку и тянула в сторону. «Эх…» – вздыхал он про себя. Так же поступала бабушка, когда по дороге проезжали автомобили. Услышав их приближение со спины, она останавливалась, сильней стискивала Витину руку и оттягивала к обочине, загораживая собой. В силе ее был

страх, и Витя безропотно повиновался. И только с любопытством ждал: грузовая, легковая? Ждал, когда выскочит, громыхая металлом, и пронесётся, вздымая крылья водно-снежного месива, очередная забросанная грязью машина. Вите нравились грузовые. Они шли медленно. И под могучим кузовом можно было разглядеть рычаги, пружины, детали...

– Куда летят? Как будто не видят, – все повторяла бабушка сердито.

За последнее время она очень изменилась. Витя часто слышал, как его бабушку называют молодой, но теперь она как-то резко постарела: ссутулилась, сжалась, лицо сделалось сухим, невеселым. Витя помнил выходные, когда увидел эту перемену, быструю, как будто в книжке перевернулись страницы. Несколько дней мама последним забирала его из детского сада. Потом она сказала, что дедушка сильно заболел и навсегда отправился на небо. Когда они приехали в деревню, бабушка стояла у калитки одна. Закутанная в черный платок, зябкая, тихая, другая.

– Бабушка, ты такая грустная, потому что дедушка умер? – спросил Витя.

Но бабушка ничего не ответила. Погладила Витю по голове, а потом горько сжала губы. Витя никак не мог понять, что это значит – дедушки больше не будет. Казалось, зайдет во двор и обязательно встретит деда, занятого каким-то делом. Витя заглядывал в дом, ходил в сад, отворял тяжелые огородные ворота – и за каждой дверью ждал этой встречи. Но дедушки и вправду нигде не было…

Впереди показался магазин. Бабушка, как будто вспомнив, спросила:

– Тебе на день рождения-то что подарить? Выбрал?

– Нет еще, – ответил Витя.

– Еще? Смотри – потом купить не успеем, останешься без подарка! Витя промолчал.

– Слышишь?

– Угу, – пробормотал Витя.

– Угу.

В магазине посетителей не было. Продавщица – полная женщина с пухлыми пунцовыми щеками и заплывшими блестящими глазками, в вязаной жилетке поверх синего фартука и чепце на рыжих, как луковая шелуха, волосах – стояла, облокотившись на прилавок.

– Здравствуй, Валя, – поздоровалась бабушка.

– Здравствуй, Лида, – ответила женщина.

Бабушка осмотрелась кругом.

– Хлеба одну буханку, пожалуйста, дай, – сказала она.

Продавщица выпрямилась и шаркающей походкой медленно переплыла к деревянному поддону, где были разложены буханки и батоны, хранившие – Витя чувствовал это – сладкий аромат лета, запеченный в румяной хрустящей корочке. Колосящиеся пшеничные поля, теплый ласковый ветер, пахнущие железом качели, спелые нетерпеливые ягоды, стрекотание кузнечиков в зеленой траве, внезапно потемневший день, вспышки молний вдали и первые раскаты грома…

– Как живешь, Лида? – спросила женщина – луковые волосы, уложив буханку в прозрачный пакет.

– Какая у меня жизнь? Живу тихонько, – ответила бабушка.

– Тяжело одной?

– А не одна, внука привозят по выходным, вот и живу пока. Пряники свежие? – Свежие.

– Взвесь полкило.

– Мать-то где? – спросила женщина, кивком указав на Витю. – В городе.

– Чего ей там? – большой совок нырнул в рогожу, зачерпнул пряников и пересыпал в бумажный кулек.

– Работает.

– Уработались...

– Семью-то надо кормить.

– Как внука-то зовут, не помню?

– Витя, – ответила бабушка.

– Витя, – повторила женщина.

Перегнулась через прилавок, приблизив к Вите свое лицо, спросила:

– Сколько уже лет, Витюш?

Потянуло запахом ванилина и луковой шелухи. – Шесть почти, – стараясь меньше дышать, ответил Витя.

– У-у-у, – выдули трубочки-губы, две сморщенные яблочные кожурки, – большой уже, скоро в школу!

– Не скоро, – возразил Витя, – я в следующем году пойду, в этом не успеваю.

Губы растянулись в улыбку:

– Время быстро пролетит, оглянуться не успеешь! – женщина пристально взглянула на Витю и вкрадчиво, будто выведывая тайну, спросила: – Вырастешь – упорхнешь от бабушки, как мамка?

– Нет, – процедил Витя.

– Все так говорят, пока маленькие. А вырастут – ищи-свищи.

– А тебя, Валь, чего давно не было? – спросила бабушка.

Женщина взбила белый чепец.

– А! – сказала она, отмахнувшись. – В городе работала. Зарплата вроде больше, да пока наездишься… Лучше уж тут, у своих.

Они шагали домой. Шли молча, бабушка печально-задумчивая, погруженная в мысли. Обычно Витю тревожила эта неуютная тишина, но теперь он совсем не грустил, задумывая свою мечту, сладкую, как медовый пряник.

Что скоро наступит день рожденья, на праздничный стол принесут торт. Он будет стоять перед Витей и подмигивать семью огоньками. Витя наберет щеками воздух и задует все свечи одну за другой. Потом закроет глаза и тихо-тихо прошепчет: «Хочу, чтобы дедушка вернулся. А пока потерпи, бабушка, потерпи еще чуть-чуть…»